

М. М. ЛУНИН КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1844 г. Н. И. Костомаров подготовил к защите магистерскую диссертацию на тему: «Об историческом значении русской народной поэзии». Во время ее обсуждения в Харьковском университете профессор кафедры русской словесности В. А. Якимов, вырвав из этой работы тексты двух песен, предложил Н. И. Костомарову доказать, что в них есть какая-то поэзия. Прежде чем последний, собираясь с мыслями, готовился к ответу, присутствовавший на обсуждении профессор всеобщей истории М. М. Лунин рассмеялся и сказал: «Это – все равно, если бы рассечь человека на части и потребовать, чтобы показали, где у него душа; ни в ноге, ни в руке, ни в ухе, ни в носу нет души, а весь человек живой – с душою»¹.

Занимаясь всесторонним изучением жизни, деятельности и творческого наследия М. М. Лунина, мы осознаем всю условность схематичного расчленения единого целого на составные части и прикрепления соответствующих табличек на каждую из них. Но ограниченный объем настоящей статьи предопределяет то, что основное внимание в ней будет уделено характеристике М. М. Лунина как университетского преподавателя. О Луине-ученом и Луине-человеке мы будем упоминать лишь в этом контексте.

17 (29) января 1805 г. начались занятия в основанном по инициативе выдающегося просветителя В. Н. Каразина Харьковском университете. На его отделении словесных наук была учреждена кафедра всемирной истории, географии и статистики. Первыми ее преподавателями стали иностранцы – А. Г. Рейниш, А. А. Дегуров (A. Du-Gour). Они читали, а вернее, диктовали лекции по зарубежным учебным пособиям – на латыни, немецком либо французском языках. Затем в профессорско-преподавательский корпус кафедры влились первые выпускники университета (Д. Г. Адамович, Е. М. Филомафитский и Р. Т. Гонорский), которые в отличие от своих иноземных предшественников и учителей пересказывали на русском языке содержание той же зарубежной литературы. В 1831 – 1834 гг. всеобщую историю в Харьковском университете преподавал В. Ф. Цых – серб по национальности, превосходно образованный преподаватель. Но в 1835 г. он перешел в Киевский университет. На его место

Министерство народного просвещения назначило М. М. Лунина. Он получил основательную подготовку в Дерптском университете и Профессорском институте, который был учрежден при Дерптском университете для подготовки стипендиатов российских университетов к профессорскому званию. В 1833 г. его послали в Берлинский университет «для окончательного усовершенствования в науках»².

После двухлетней зарубежной стажировки М. М. Лунин прибыл в Харьков. Требования, предъявлявшиеся в 1835 г. в Харьковском университете к кандидатам на должность профессора всеобщей истории, были довольно умеренными. Надобно было «... непременно иметь степень доктора или по крайней мере магистра и знать русский язык, дабы на оном свободно преподавать»³. Кроме того, нужно было представить «... общее рассуждение о Всеобщей истории», в котором отразить предмет науки, ее «пространство, успехи, ее настоящее состояние, удобнейший способ преподавания и писателей, лучшим образом объяснявших относящиеся к сей науке предметы»⁴.

М. М. Лунин представил все необходимые для занятия профессорской должности документы и, кроме того, 18 июля 1835 г. прочитал в Харьковском университете пробную лекцию на тему «Переход средней истории к новой и значение сей последней». Таким образом, все формальности были М. М. Луниным неукоснительно соблюдены. Поэтому представляется весьма странным, что экстраординарным профессором М. М. Лунин был утвержден не сразу, а лишь через два года. В «Обзрении преподавания наук в Императорском Харьковском университете на 1838/39 академический год» М. М. Лунин еще значится как экстраординарный профессор⁵, и лишь в 1839 г., т.е. через четыре года после начала своей преподавательской работы в Харьковском университете М. М. Лунин стал ординарным профессором⁶. Впрочем, как бы то ни было, а жалованья ординарного профессора в две тысячи рублей в год М. М. Лунину пришлось дожидаться на протяжении четырех лет, а потрудиться в этой должности ему судилось всего-навсего четыре года. В июне 1843 г. он тяжело заболел и не мог выполнять преподавательские обязанности. Лечение в Карлсбаде ему не помогло. На обратном пути он был вынужден остановиться в Киеве. Там он и умер 14 октября 1844 г.⁷ Как свидетельствуют «Обозрения преподавания наук в Императорском Харьковском университете», М. М. Лунин читал на первом отделении философского факультета

следующие курсы: «историю древних народов (по Геерену)», «историю Рима (по собственным запискам, составленным по древним и лучшим новейшим иностранным писателям)», «историю средних веков (по собственным запискам)», «историю новых времен (до конца 30-летней войны)» и «историю новых времен (от конца 30-летней войны до Французской революции)». Его учебная «нагрузка» была обычной для того времени: шесть лекционных часов в неделю.

По совместительству М. М. Лунин также работал в Педагогическом институте при Харьковском университете. В нем учились выпускники университета со степенью кандидата. Учащиеся, получавшие стипендию (казеннокоштные), обязывались после окончания института отрабатывать не менее 6 лет по специальности. Остальные – получали степень магистра⁸. В Педагогическом институте М. М. Лунин руководил написанием студенческих научных работ, читал студентам лекции «о технической хронологии древних народов»⁹. Кроме того, студенты под руководством М. М. Лунина занимались «чтением исторических писателей»¹⁰. В течение четырех лет (1839-1842 гг.) он состоял членом «временного испытательного комитета для экзаменования желающих поступить в университет»¹¹. Довелось ему заниматься и делами университетской библиотеки. Со времени ее учреждения (т. е. с 1803 г.) главный надзор за ней возлагался на инспектора студентов. В помощь ему выделялся кто-нибудь «из чиновников университета со званием Управляющего библиотекой». М. М. Лунину довелось трудиться на этом поприще с 1836 по 1837 гг. Его предшественником на этом посту был лаборант Мейнблат¹².

Таким образом, внелекционные обязанности М. М. Лунина были довольно скромными. Отношения М. М. Лунина с коллегами нельзя назвать особо теплыми и взаимно доброжелательными. А. П. Рославский-Петровский писал: «Принятый в первое время пребывания своего в Харькове в лучшие общества, он [М. М. Лунин. – А. К.] в последние годы уклонялся от светского шума, предпочитая ему более прочные удовольствия семейной жизни и избранный круг немногих друзей»¹³. В этих словах отражена лишь толика истины. Дело в том, что не только М. М. Лунин чуждался «лучших обществ», но и они отвергали его. Кроме того, А. П. Рославский-Петровский лишь констатирует сложившуюся ситуацию, но не поясняет причины, которые привели к ней. А эти причины сводились к тому, что и по своим природным дарованиям, и

по уровню своей образованности, и по своим умственным запросам М. М. Лунин был намного выше окружавшей его среды. Отличался он от большинства коллег и своими безупречными нравственными качествами. М. Де-Пуле отмечал «чистоту и высоту нравственных достоинств» М. М. Лунина и считал его «пламенным поборником добра и непримиримым врагом зла во всех его видах»¹⁴. В. П. Пашков называл М. М. Лунина «великим идеалистом исторической науки»¹⁵.

И вот после более чем двухлетнего пребывания в Берлине, после приобщения к высшим достижениям тогдашней философской и исторической мысли этот «великий идеалист» оказался в атмосфере небольшого провинциального университета, пропитанной завистью, интригами и коррупцией. А. Грушевский отмечал, что в 1833-1836 гг. «...Харьковский университет был в большом упадке. Профессорские кафедры занимались отчасти людьми бездарными, отчасти же, хотя и талантливыми, каким был, например, Кронеберг, но ленивыми»¹⁶. «В то время, - пишет В. П. Бузескул, - Харьковский университет страдал язвою пансионерства: большинство профессоров держали студентов-пансионеров, что вело к понятным злоупотреблениям»¹⁷. Такие профессора, отмечал Де-Пуле, «понаживали себе каменные дома и дачи, обзавелись экипажами, жили баричами, и если не обращали своей профессии в ремесло, то скоро погружались в непробудную лень, которая и без того, впрочем, заедала всегда наше провинциальное общество». И М. М. Лунин, снимавший самые бедные квартиры в каком-нибудь флигельке или мезонине и всегда ходивший пешком по грязным харьковским улицам, «был живым протестом против окружавшей его действительности, разумности которой он не признавал и своего презрения к ней не скрывал ни от кого»¹⁸. Более того, будучи человеком прямым и резким, М. М. Лунин повел ожесточенную борьбу с университетскими злоупотреблениями и нажил себе множество врагов. В. П. Бузескул пишет: «Окруженный в своем факультете личностями большей частью бездарными и далеко не безупречной честности, он [М. М. Лунин. – А. К.] раз в заседании, в присутствии П. П. Гулака-Артемовского (тогдашнего ректора и профессора русской истории), сказал, что считает унижением для себя быть в таком обществе. Говорят также, что когда Гулак-Артемовский, вступив в должность ректора, собрал профессоров и обратился к ним с речью, в которой давал понять, что он уничтожит вкравшиеся

злоупотребления, то Лунин воскликнул: «Да! Злоупотребления большие, но Вы, господин ректор, первый их виновник»¹⁹.

Таким образом, взаимоотношения М. М. Лунина с коллегами отличались отчужденностью, а временами – открытой враждебностью.

По отношению к студентам М. М. Лунин не допускал никакого панибратства. «Проф. Лунин, - вспоминал Н. И. Костомаров, - экзаменовал меня из всеобщей истории очень строго; испытание продолжалось час и три четверти; я выдержал счастливо. Затем Артемовский-Гулак экзаменовал меня из русской истории до такой степени поверхностно, что я мог бы, не прочитавши ни одной книги, отвечать на его вопросы»²⁰. Но строгость и требовательность М. М. Лунина не отталкивали от него учащихся, так как они были убеждены в полнейшей его беспристрастности. Он, по словам Де-Пуле, поражал их и своим образом жизни, и своею пуританской честностью, и своею обширною ученостью²¹.

Природа не наделила М. М. Лунина данными, необходимыми оратору. Де-Пуле отмечал: «Лекции свои профессор читал по тетрадам; читал довольно монотонно и несколько искусственно, слабым голосом чахоточного человека»²². В то же время все авторы воспоминаний, писавшие о М. М. Луине, отмечают его чрезвычайную популярность как лектора. Так, Н. И. Костомаров вспоминал, что М. М. Лунин «был бесспорно одним из лучших преподавателей Всеобщей истории, какие когда-либо являлись в наших университетах»²³. При этом наиболее блестящими Н. И. Костомаров считал лекции М. М. Лунина по Древней истории, преимущественно по истории Востока, а также по Средневековой истории и особенно лекции о распространении христианства и о борьбе его с язычеством²⁴. «Замечательно, - отмечал В. Пашков, - что не только студенты словесного факультета, но и все студенты благоговели перед Луниным»²⁵. «...Каждая лекция знаменитого профессора, - отмечал этот же автор, - являла что-нибудь новое и чрезвычайно интересное для слушателя, которого он, как чародей, переносил в глубокую древность, делал очевидцем чудесных местностей, великих событий и памятников давно отживших народов»²⁶. Приведем также пространное свидетельство А. Н. Деревницкого: «Случалось нередко, что молодые люди, при поступлении в университет и не помышлявшие о филологии и уже наметившие себе совершенно иной род занятий, побывав на лекции у Лунина, вдруг покидали свои первоначальные

планы и переходили в словесное отделение. К нему, как немного позже в Москве к Грановскому, ходили целые толпы, - и не одни студенты, но также масса посторонних лиц, между которыми, если верить харьковским старожилам, зачастую бывали и дамы. Для этих последних по распоряжению начальства перед студенческими скамьями ставились ряды кресел, и университетский курс получал таким образом публичный характер»²⁷. Подчеркнем один важный пункт этого свидетельства: не Т. Н. Грановский, а М. М. Лунин впервые в Российской империи придал университетскому курсу истории общественно значимое влияние.

Чем же можно объяснить чрезвычайную популярность М. М. Лунина? Прежде всего, слушателей привлекала прямо-таки фантастическая эрудиция М. М. Лунина. М. Де-Пуле отмечал, что Т. Н. Грановский, вступивший на профессорское поприще позже Лунина, «был подготовлен слабее своего харьковского коллеги», а «содержание лунинских лекций до такой степени было полно, что исторические произведения московских ученых, явившиеся позднее, для учеников Лунина не представляли ничего особенного»²⁸. Это же признавалось и Дмитрием Чижевским, который утверждал: «Як учений видатніший, ніж Грановський (курсив наш – А. К.), Лунін не був блискучим лектором, тож його величезний вплив залежав виключно від змісту лекцій. Він значно докладніше, ніж Грановський викладав філософію історії Гегеля і застосовував її для висвітлення конкретних питань історії»²⁹. В. П. Пашков писал, что М. М. Лунин, «изучивший или, вернее сказать, поглотивший ... все исторические манускрипты и материалы», вызывал у слушателей «благоговейный трепет»³⁰.

М. М. Лунин был настоящим полиглотом. Он знал в совершенстве древнегреческий язык и латынь, пять новых западноевропейских языков, читал тексты на санскрите, а также турецкие, персидские и арабские рукописи. «Ему, - отмечал Де-Пуле, - знакомы были все литературы, древняя, европейская и азиатская, кроме, кажется, славянских»³⁰. Правда, составить более или менее полное представление об исторических источниках, которые использовал М. М. Лунин, крайне сложно. Дело в том, что в середине 30-х – середине 40-х годов научно-справочный аппарат еще не стал неотъемлемой частью научных исследований. И в трудах М. М. Лунина нет подробных ссылок на использованные им источники и литературу. Лишь крайне редко на полях его

рукописей встречаются имена авторов, труды которых он привлекает. Правда, при этом ни названия этих трудов, ни данных о месте и времени их издания М. М. Лунин не приводит.

Все это очень затрудняет, а во многих случаях вообще делает невозможным суждение об оригинальности тех или иных положений, развиваемых им. Впрочем, эти же претензии можно предъявить и к опубликованным позднее курсам лекций Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. Насколько нам известно, источниковедческие и историографические обзоры впервые в Российской империи стал включать в лекционные курсы по всеобщей истории профессор Харьковского университета М. Н. Петров. Но вместе с тем следует отметить, что в своих лекциях М. М. Лунин зачастую специально останавливался на характеристике исторических источников. Так, например, в лекциях о Реформации М. М. Лунин характеризовал многие сочинения Мартина Лютера («95 тезисов», «К христианскому дворянству немецкой нации», «О вавилонском пленении церкви», «О свободе христианина», «Против буллы антихриста», «О монашеских обетах»), программы Крестьянской войны, вероисповедное сочинение лютеран «Аугсбургское вероисповедание» и т.д. К тому же большинство авторов, писавших о М. М. Лунине, прежде всего, упоминало о блестящем знании им исторических источников. Известно также, что, начиная с 1835 г., многие преподаватели Харьковского университета, в том числе и М. М. Лунин, поддерживали инициативу попечителя Харьковского учебного округа Ю. А. Головкина и стали проводить регулярные ученые беседы со студентами³¹. Одной из форм таких собеседований было рассмотрение отдельных трактатов и сочинений, их критика и рецензии на них³². О том, насколько досконально знал М. М. Лунин исторические источники по всеобщей истории и какое большое значение он придавал источниковедению в процессе подготовки историков, свидетельствуют также вопросы, которые он предложил Н. И. Костомарову во время устного экзамена, предшествовавшего защите последним диссертации. В числе этих вопросов значились следующие:

- об источниках греческой истории;
- об источниках римской истории;
- об источниках французской истории;
- об источниках английской истории;

авторы, запечатлевшие эпоху норманнского завоевания»³³.

Такая постановка вопросов требовала от соискателей ученых степеней знания не каких-то немногих источников по каким-то частным проблемам, а всего комплекса источников по большим разделам всемирной истории. И, разумеется, если эти вопросы ставились перед соискателями, то они и освещались профессорами, в том числе и М. М. Луниным, в лекционных курсах. А. П. Рославский-Петровский вспоминал: «О каком бы отделе истории он [М. М. Лунин. – А. К.] ни говорил, повсюду обнаруживал обширную начитанность, почерпнутую из самых лучших авторов, постоянно обращал внимание своих слушателей на источники науки, знакомя их со всеми сколько-нибудь замечательными мнениями на счет известнейших в истории событий и характеров, и, если отдавал преимущество одному какому-либо мнению, то в то же время не скрывал и доказательств противной стороны, высказывая их со всей добросовестностью ученого, более всего любящего истину»³⁴.

Лекционные курсы М. М. Лунина отличались превосходной литературной формой и насыщенностью выразительными деталями, которые создавали неповторимый исторический колорит. «Изложение его [М. М. Лунина – А. К.] лекций, – писал М. Де-Пуле, – было блестяще, язык их отличался тем изяществом, которое уже после Лунина появилось в нашей литературе, – в произведениях И. С. Тургенева и писателей его школы, а в исторических сочинениях – у Н. И. Костомарова, его учеников»³⁵. Эта оценка заслуживает особого внимания, так как М. Де-Пуле (1822-1885) был не только известным педагогом, но и писателем. Он печатался в таких журналах как «Современник», «Русское слово», «Вестник Европы». Широкую известность получили написанные им биографии поэтов Кольцова и Никитина, статьи о сочинениях Тургенева, Кохановского, Григоровича и др.

Но не только потрясающая воображение образованность и блестящий стиль лекций М. М. Лунина лежала в основе его чрезвычайной популярности как университетского профессора. А. П. Рославский-Петровский также был довольно образованным преподавателем. Но он, по свидетельству М. П. Де-Пуле, «отталкивал студентов педантичностью, необщительностью, убийственными лекциями»³⁶. «Думал я сперва избрать исторический факультет, – вспоминал питомец Харьковского университета, выдающийся ученый

М. М. Ковалевский, – но посещение первых лекций профессора Рославского-Петровского подавило во мне это желание»³⁷. В отличие от своего преемника на кафедре всеобщей истории А. П. Рославского-Петровского, М. М. Лунина не только оказывал на студентов большое облагораживающее и просветительное влияние, но и привлекал наиболее даровитых из них к научной деятельности. Н. И. Костомаров, который называл М. М. Лунина «одним из лучших преподавателей всеобщей истории, какие когда-либо являлись в наших университетах»³⁸, подчеркивал, что лекции этого профессора предопределили его дальнейший путь в науку. «Я, – писал Н. И. Костомаров, – полюбил историю более всего и с тех пор преданся чтению и изучению исторических книг»³⁹. В свою очередь М. П. Де-Пуле отмечал: «Слушать Лунина, быть учеником его для кончивших курс стало предметом гордости»⁴⁰.

Михаил Михайлович Лунин был выдающимся ученым первой половины XIX века, одним из первых ученых в университетах Российской империи, начавших изучение всеобщей истории на основе собственных исследований и анализе источников. Исследование его жизни и научно-педагогической деятельности имеет важное значение как для всестороннего освещения истории Харьковского университета, так и для характеристики отечественной историографии всеобщей истории.

Примечания

¹ *Бузескул* В. П. Профессор М. М. Лунин – «харьковский Грановский»: к столетию харьковского университета. – СПб., 1905. – С. 50.

² Там же.

³ *Программы* для желающих занять в Императорском Харьковском Университете профессорские кафедры: всеобщей истории, статистики, географии // ЖМНП. – 1834. – Ч. 1. - № 5. – С. 349.

⁴ Там же.

⁵ *Обозрение* преподавания наук в Императорском Харьковском Университете на 1838/39 Академический год. – Харьков, 1838. – С. 5.

⁶ *Обозрение* преподавания предметов в Императорском Харьковском Университете на 1839/40 Академический год. – Харьков, 1839. – С. 11.

⁷ *Бузескул* В. П. Указ. соч. – С. 33.

⁸ *Харківський університет* – рідному місту. – Харків, 2004. – С. 26.

⁹ *Отчет* о состоянии Императорского Харьковского Университета за 1842/43 академический год и речи, произнесенные в торжественном собрании 30 августа 1843 г. – Харьков, 1843. – С. 82, 92.

¹⁰ *Там же.*

¹¹ *Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905)* / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. – Харьков, 1908. – С. 260.

¹² *Фойгт* К. Историко-статистические записки об Императорском Харьковском Университете и его заведениях, от основания Университета до 1859 г. – Харьков, 1859. – С. 37.

¹³ *Рославский* А. Известие о кончине профессора Лунина // Москвитянин, 1844. – Ч. 6. – № 12. – С. 526.

¹⁴ *Де-Пуле* М. П. Харьковский университет и Д. И. Каченовский // Вестник Европы. – Т. 45. – № 1. – С. 89, 92.

¹⁵ *Пашков* В. П. Идеализм и идеалисты сороковых годов (Воспоминания о Харьковском университете 40-х и 60-х гг. XIX в.) // ОР ЦНБ ХНУ. – Д. №1647/с. – С. 6.

¹⁶ *Грушевский* А. Из харьковских лет Н. И. Костомарова // ЖМНП. – 1908. – Ч. 14, марг. – С. 233.

¹⁷ *Бузескул* В. П. Указ. соч. – С. 52.

¹⁸ *Де-Пуле* М. П. Указ. соч. – С. 89.

¹⁹ *Бузескул* В. П. Указ. соч. – С. 52.

²⁰ *Костомаров* Н. И. Автобиография. Бунт Стеньки Разина. – Киев, 1992. – С. 106.

²¹ *Де-Пуле* М. П. Указ. соч. – С. 90.

²² *Там же.* – С. 88.

²³ *Костомаров* Н. И. Литературное наследие. – СПб., 1890. – С. 22.

²⁴ *Там же.*

²⁵ *Пашков* В. П. Указ. соч. – С. 2.

²⁶ *Там же.* – С. 7.

²⁷ *Деревицкий* А. Н. Михаил Назарович Петров (Страница из истории Харьковского университета). – Харьков, 1887. – С. 6.

²⁸ *Де-Пуле* М. П. Указ. соч. – С. 89.

²⁹ *Чижевський* Д. Гегель у Росії // Дмитро Чижевський. Філософські твори у чотирьох томах. – Е. 4. – Київ, 2005. – С. 201.

³⁰ *Пашков* В. П. Указ. соч. – С. 6.

³¹ *Парфиненко* А. Ю., *Посохов* С. И. Страницы истории студенческой науки в Харьковском университете. – Харьков, 2002. – С. 8.

³² *Головкин* Ю. А. Проект учених собеседничеств между студентами и преподавателями // А. Ю. Парфиненко, С. И. Посохов Страницы истории студенческой науки в Харьковском университете. – Харьков, 2002. – С. 60.

³³ *Сухомлинов* М. М. Уничтожение диссертации Н. И. Костомарова // Древняя и новая Россия. – 1877. – Т. 1. – С. 47.

³⁴ Рославский А. Указ. соч. – С. 527.

³⁵ Де-Пуле М. П. Указ. соч. – С. 89.

³⁶ Там же.

³⁷ Ковалевский М. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. – 1895. – Кн. 1. – С. 63-64.

³⁸ Костомаров Н. И. Литературное наследие... – С. 22.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Де-Пуле М. П. Указ. соч. – С. 93.

Резюме

Кулікова Г. С. М. М. Лунін як викладач всесвітньої історії Харківського університету.

Життя та діяльність видатного історика Харківського університету М. М. Луніна ще не знайшли належного висвітлення в літературі. У статті на основі спогадів, архівних та опублікованих джерел розглядається викладання М. М. Луніним всесвітньої історії, його внесок в розвиток історичної науки в Харківському університеті. У статті розглядається один з аспектів його багатогранної діяльності: викладання ним всесвітньої історії у Харківському університеті.

Олянич В. В.

ПРИВАТНО-ПІДПРИЄМНИЦЬКИЙ ТИП СЕЛЯНСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА В УСРР 1920-х РОКІВ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГІЧНІ ТА ІСТОРІОГРАФІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ВИСВІТЛЕННЯ ПРОБЛЕМИ

Соціально-економічні відносини в Україні періоду НЕПу були і залишаються пріоритетним напрямком науково-історичних досліджень, починаючи з 1920-х років, позаяк селянське господарство, яке називали тоді дрібнотоварним, було основним виробником сільськогосподарської продукції та сировини, тобто створювало матеріальну базу для функціонування суспільства, а з другого боку представляло унікальний соціум. Історико-економічна наука має велику низку праць, особливо у 1920-х роках, присвячених різним галузям організаційно-виробничої діяльності селянського двору, котрий був суб'єктом соціально-правових відносин, а також об'єктом впливу державних органів влади.